

СЕМАНТИКА ЧИСЕЛ В МИФОЛОГИИ АЛТАЙЦЕВ ¹**Ойноктинова Надежда Романовна***доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт филологии СО РАН*

***Аннотация.** Категория числа – одна из важных культурных универсалий, участвующих в моделировании мифологических образов. Цель данной статьи – выявить семантику чисел в мифологии алтайцев и определить их роль в формировании мифологем. В работе применяется методика семантической реконструкции и контекстуального анализа. Числовой признак – важный показатель устойчивости мифологического образа, являющегося значимым элементом мифологии этноса. Числа эки ‘два’, үч ‘три’, төрт ‘четыре’, беш ‘пять’, алты ‘шесть’, јети ‘семь’, сегис ‘восемь’, тогус ‘девять’, он эки ‘двенадцать’, төртөн ‘сорок’ участвуют в образовании устойчивых мифологем и образов. Для создания необычного облика мифического существа (животных, растений, чудовищ) используются четные числа с семантикой абстрактной множественности – четыре, шесть, восемь (четырёхглазая овца, шестиглазая черная девушка и т.д.). Сакральные числа үч ‘три’, јети ‘семь’, тогус ‘девять’ отражают мировоззренческие представления алтайцев о упорядоченности мирового пространства в горизонтальном и вертикальном измерениях и цикличности времени. Числа три и семь участвуют в словообразовании космонимов Ёч Мыйгак ‘Орион’ – букв. ‘Три Маралухи’, Јети-Каан ‘Большая Медведица’ – букв. ‘Семь ханов’. Признак тройственности характерен для теонима Ёч-Курбустан – букв. ‘Три Курбустана’. В описаниях верхнего, среднего и нижнего миров чаще используются сакрально-магические числа семь и девять. Число јети ‘семь’ является образным признаком различных мифологических образов, связанных с представлениями о пространстве (божественной иерархии в пространстве) и времени: семь слов земли, семь дверей в подземном мире, семь дверей в верхнем мире, семь дверей в среднем мире, семь сыновей у светлого божества, семь сыновей и дочерей у темного божества, семь божеств Алтая, семь духов-помощников у шамана, семь духов земли и т.д. Конкурирующее с этим числом тогус ‘девять’ обладает той же семантикой*

¹ Исследование проведено в рамках проекта РФФИ «Мифологическая лексика алтайцев: лексикографическое описание и исследование», № 20-012-00265 А.

и обозначает признаки организации мифического пространства: девять сфер, девять слоев или ступеней в Верхний и Нижний миры, девять «сыновей» у божества Эрлика.

Ключевые слова: числовой код, семантика числа, мифы, алтайские мифы, мифологический концепт.

SEMANTICS OF NUMBERS IN THE MYTHOLOGY OF ALTAIANS

Abstract. *The category of number is one of the important cultural universals involved in the modeling of mythological images. The purpose of this article is to reveal the semantics of numbers in the mythology of the Altaians and to determine their role in the formation of mythologemes. The work uses the methods of semantic reconstruction and contextual analysis. A numerical attribute is an important indicator of the stability of a mythological image, which is a significant element of the mythology of an ethnos. Numbers eki 'two', üch 'three', tört 'four', besh 'five', alty 'six', jeti 'seven', segis 'eight', togus 'nine', on eki 'twelve', törtön 'forty' participate in the formation of stable mythologemes and images. To create an unusual appearance of a mythical creature (animals, plants, monsters), even numbers with the semantics of double plurality are used – four, six, eight (four-eyed shree, six-eyed black girl, etc.). The sacred numbers üch 'three', jeti 'seven', togus 'nine' reflect the ideological ideas of the Altaians about the ordering of world space in horizontal and vertical dimensions and the cyclical nature of time. Numbers three and seven are involved in the word formation of cosmonyms Üch Myigak 'Orion' – lit. 'Three deer', Jeti-Kaan 'Ursa Major' – lit. 'Seven Khans'. The sign of trinity is characteristic of the theonym Üch-Kurbustan – lit. 'Three Kurbustans'. In the descriptions of the upper, middle and lower worlds, the sacred-magic numbers seven and nine are often used. The number jeti 'seven' is a figurative sign of various mythological images associated with the concept of space (divine hierarchy in space) and time: seven layers of the earth, seven doors in the underworld, seven doors in the upper world, seven doors in the middle world, seven sons a light deity, seven sons and daughters of a dark deity, seven Altai deities, seven helper spirits for a shaman, seven earth spirits, etc. The number togus 'nine', competing with this number, has the same semantics and denotes the signs of the organization of mythical space: nine spheres, nine layers or steps to the Upper and Lower Worlds, nine "sons" of the deity Erlik.*

Keywords: числовой код, семантика числа, мифы, алтайские мифы, мифологический концепт.

Введение

В языке числа не просто служат средством упорядочивания реалий объективной и неobjективной действительности, имеют абстрактные, количественные и порядковые значения, но и выполняют функцию кодирования информации в духовной культуре народа. Число как универсалия присуще всем

этнокультурам и закреплено в языке прецедентных текстов культуры. Цель данной статьи – выявить семантику чисел в мифологии алтайцев и определить их роль в формировании мифологических образов, концептов. Материалом исследования послужили мифологические тексты, опубликованные и неопубликованные, полевые и архивные.

В лингвистической нумерологии выделяются две противоположные точки зрения: согласно первой числовая семантика в разных языках имеет много общего, носит универсальный характер, согласно второй – в разных языках она имеет свою специфику. В результате исследований чисел и трактовки их символов действительно обнаруживается поразительное сходство числительных и их символики в различных культурах благодаря их глубокой семантике и культурной символике, которая восходит к древним архетипам. Специфика универсалий, свойственных всем языкам, заключается в способах ее выражения и символического кодирования. Исследователи видят истоки универсальности числовой символики в истории астрологии, нумерологии, оккультно-магических теорий, заложенных в древних культурах разных народов и популярных с незапамятных времен. Существуют точки зрения, согласно которым семантика отдельных чисел связывалась с архаическими счетными процедурами, анатомическими особенностями человеческого тела и счетом времени (календарем).

В общем языкознании существует довольно много научных работ, посвященных семантике числительных в картине мира разных народов, в том числе и на материале тюркских и монгольских этносов [СИГТЯ 2006; Голубева 2006; Гармаева 2009; Муратова 2012; Избекова 2014; и др.]. Роль чисел рассматривается в исследованиях в связи с изучением ономастики, фразеологии, тематических групп лексики и символики фольклорных произведений.

В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» описанию подвергались числительные 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, а также 12 и 40, которые имеют символическое значение и подчеркивают оригинальный характер этнических культур [СИГТЯ 2006: 629]. Проанализировав пратюркские числительные, несущие культурные смыслы, исследователи пришли к выводу, что именно эти числа играли важную роль в духовной и материальной жизни пратюрков [Там же: 629–636]. В картине мира все предметы окружающего мира могут быть перечислены и упорядочены с помощью чисел. Тюркские языки, подобно многим другим языкам различных семей, в процессе длительного развития выработали универсалию в области чисел, уходящую от основной счетной функции и придающую определенным числам коннотативные, символические значения.

Этнолингвистические исследования числа в отдельно взятых языках показывают, что семантическая нагруженность чисел в разных языках в большинстве случаев совпадает. Например, в башкирском языке в той или иной

мере сакрализованными являются числа 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9, 12, 40, 100, 1000 [Муратова 2012: 51]. В языке монголоязычных народов к таким числам отнесены 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 16, 32, 99, 108, 1000 [Гармаева 2009: 13]. В карачаево-балкарском фольклоре к основным сакральным числам отнесены числа 3, 4, 7 / 9 [Болатова, Гергокова 2015: 29]. Несомненно, все тексты избирательно используют числовые маркеры, то или иное число вводится в текст с определенным смыслом.

В фольклорном тексте числа также выполняют художественно-образительную функцию, служат особым средством организации художественного пространства и времени [Праведников 1996]. Функции чисел рассматриваются в исследованиях по поэтике и стилистике фольклорных произведений, относящихся к разным жанрам. По данным В.П. Ойношева, наиболее употребляемыми являются числа 2, 3, 4, 6, 9, 12, 30, 40, 60, 62, 66, 70, 72, 77, 92, 99, из них особенно значимы 2, 3, 7, 9 [Ойношев 1998: 10]. Квантитативные слова в алтайских пословицах и поговорках участвуют в гиперболизации и литотизации. Стилистическая, или «орнаментальная», функция чисел для текстов мифов мало характерна, поэтому наше внимание сосредоточено на семантике чисел. Жанр мифа избирателен по отношению к числам как средствам образной номинации, он чаще использует их символическую семантику (коннотативную), чем художественно-образительную.

Р.Н. Хадыева, выделяя этнокультурные значения чисел в обрядах, поверьях, мифологии башкир, пишет, что числительные в языке образуют широкий круг понятий. Часто обозначение числительных условное, кроме основного количественного значения они могут усилить необходимый признак или привносить в образ необыкновенные качества, выражать общие понятия “много, великое множество” или “мало, ничтожно мало”. Кроме того, числа “имеют большое значение в осмыслении структуры мира, пространства и времени” [Хадыева 2005, 111]. Числа выступают средствами вербализации некоторого фрагмента национально-культурной языковой картины мира этноса. Одно дело, когда числительные выступают признаками объектов реальной действительности, которые подвергаются счету (предмет, лицо и т.д.), другое – когда они обозначают признаки объектов нереальной действительности (время, пространство).

В мифологической картине мира задействованы как четные и нечетные числа: *эки* ‘два’, *үч* ‘три’, *тёрт* ‘четыре’, *беш* ‘пять’, *алты* ‘шесть’, *жетти* ‘семь’, *сегис* ‘восемь’, *тогус* ‘девять’. Сначала рассмотрим четные числа.

Чётные числа. В мифологии алтайцев числа *эки* ‘два’, *тёрт* ‘четыре’, *алты* ‘шесть’, *сегис* ‘восемь’, *он эки* ‘двенадцать’, *тёртён* ‘сорок’ устойчиво выражают семантику парности, четности, сдвоенности. Число *эки* ‘два’ обозначает парность, четность, например: *эки көстү* ‘с двумя глазами’, *эки ийт* ‘две собаки’.

Н.А. Тадина, отмечая особенности чета и нечета в культуре алтайцев, пишет, что «на свадьбу и сватовство приносят четное количество подарков, кропят на очаг четное количество раз, число сватов четное, невеста должна обойти свадебный *аил* жениха четное количество раз (*эжерлен*)» [Тадина 1995: 8–9]. В мифологии данное противопоставление также важно. Так, в мифе о сотворении мира два гуся олицетворяют две противоположности: бога и дьявола, Ульгена и Эрлика, добро и зло, белое и черное: *Јер пүткелекте ончо суу полды, јер де јок, тенгери де јок, ай-күн де јок. Кудай учуп турган, тир кижји паза учуп турган, экилези кара кас полын учуп турган*. ‘До сотворения земли всюду была вода, ни земли не было, ни неба не было, ни луны-солнца не было. Кудай летал, один человек тоже летал, оба, обернувшись чёрными гусями, летали’ [НПА 2011: 48, 49]. Светлое божество Ульген создало в паре первых мужчину Тёрёнёй (*тёрё*= рожать) и женщину Эдий (от *эје* ‘сестра’), парными были сотворены и животные [НПА 2011: 74, 75]. Во время потопа Ной посадил в свой ковчег животных по одной паре: [НПА 2011: 118, 119].

В алтайском героическом эпосе у мифического священного тополя (*бай терек*) на земле богатыря сторожат мир два пса, имеющие клички – Азар и Казар [Маадай Кара 1973: 69-70, 254]. В нижнем мире два пса охраняют дворец темного божества Эрлика [АБ 1958: 51]. Две златоглавые змеи являются духами-помощниками Дьер-Текпенека (букв. ‘Пинающего землю’), темного божества: *Ары-бери көргөлөктө, / Алтын башту эки јылан / Бу алтайга келгиледи* [АБ. Алтын-Эргек 1960: 356]. ‘Туда-сюда не успел посмотреть, / Две змеи с золотыми головами / На этот алтай пришли’. В мифе о 12-летнем календаре животные делятся на диких и домашних, земных и «небесных» [НПА 2011: 108, 109].

Число *тёрт* ‘четыре’ в мифах алтайцев закрепилось за пространственными понятиями – четыре стороны света, четыре центра. Четырехчастная структура была отражена в древнетюркских рунических памятниках: *Тёрт булуң коп әрміс, сү сүләпән, тёрт булуңдакы будуныг коп алмыс коп баз кылмыс, башлыгыгыг јкүнтүрміс* ‘Четыре угла (т. е. народы, жившие вокруг по всем четырем сторонам света) все были (им) врагами; выступая с войском, они покорили все народы, жившие по *четырем* углам, и принудили их всех к миру’ [Малов 1951: 29, 36]. Горизонтальная космологическая модель мира в виде многоугольного (четырёх-, семь-, девятиугольного) плоского пространства сохраняется и в современных представлениях алтайцев. *Арчын пашту ак Алтай, / Тёрт пулунду кеен Алтай! / Мун кулакту агын суу, / Тёрт киндиктү јер-эне, / Тёрт өркөштү кан Алтай!* [ТОКМ, ф. 16, оп. 8, д. 16]. ‘С можжевельовыми вершинами чистый Алтай! / С четырьмя гранями величественный Алтай. / С тысячами ушами текущие реки, / С четырьмя пуповинами земля-мать! / С четырьмя горбами мой родной Алтай!’. В данном контексте соматизмы-метафоры *киндик* ‘пуп’ и *өркөш* ‘горб’ обозначают

пространственные центровые и периферийные точки на четырех сторонах света.

Число *тöрт* ‘четыре’ передает семантику множественности. Так, в этимологическом мифе «Овца раньше с четырьмя глазами, умнее человека была» («*Кой анаг осоо тöрт көстү, кошту сагышту болгон кишиге көрө*») объясняется, почему у овцы под глазами есть две впадины. Утверждается, что раньше овца с четырьмя глазами и умная была [НПА 2011: 160, 161].

Число *алты* ‘шесть’ не является сакрально значимой величиной, но в мифах оно характеризует редкие мифологические образы. Так, число шесть является образным признаком демонима *алты көстү карагыс* ‘шестиглазая черная девушка’, людоедки, родившейся в наказание за то, что родители принесли в жертву собаку вместо жеребца, выпрашивая душу (*кут*) ребенка, и обратились к нечистой силе [АНС 2002: 172–201]. В этом образе шесть представляется утроенной двойкой, при этом выражающей семантику парности. Многоглазость, как и многоголовость, многорукость – характерная черта сверхъестественных существ, чудовищ. Гиперболизация внешнего вида мифического персонажа является универсальным средством языка: числовой показатель придает мифическому образу своеобразие.

Шесть глаз имеет зооморфное существо на шаманском бубне – *алты көстү ала парс* ‘с шестью глазами (отверстиями) пестрый парс’ [Дыренкова 1949: 122]. Символический образ хозяина бубна *парс* (*нар*) – тигр, т.е. зверь, весьма почитаемый шаманистами, например, на Дальнем Востоке (у нанайцев, удэгейцев и др.). Бубен с рукояткой *марс* давался шаманам высшим божеством, но всегда через хозяев священных гор, которые становились покровителем шаманов. *Алты көстү Ала-Барыс! / Жети көстү Желе-Барыс!* ‘Шестиглазый Ала-Барыс! / Семиглазый Дъеле-Барыс!’ [Анохин 1924: 144]. В шаманском лексиконе бубен назывался *атан* ‘верблюд’ и осмыслялся как ездовое животное шамана, т.е. как конь или олень: *алты öргөштү адан* ‘шестигорбый священный верблюд’ [Сатлаев 1974: 158]. Число «шесть» в рассмотренных примерах составляет образный признак концептов шаманского бубна – Ала-Барыс, Дъеле-Барыс и атан.

Число *сегис* ‘восемь’, как и шесть, в мифах характеризует редкие образы, выражая семантику множественности. Мифический пёс, принадлежащий божеству подземного мира Эрлику, имеет восемь глаз – *сегис көстү ийт* ‘восьмиглазая собака’ [АБ 1958: 51]. В данном контексте числовые показатели придают образу мифических собак необычность, причастность к потустороннему миру. Одна из дочерей темного божества Эрлика имеет восемь глаз: *Сегис көстү Киштей-эне* ‘Восьмиглазая Киштей-мать’ [Анохин 1994: 8]. В эпосе «Кан-Сулутай» встречается образ восьмиголовой змеи [АБ. Кан-Сулутай 1960: 87]. То есть это мифическое чудовище нижнего мира.

Появление восьмерки в следующем сюжете, возможно, следует связать

со значением магической бесконечности, множественности. В давние времена, когда месяц спустился на землю, чтобы поймать чудовище Дьелбегена, то уцелели всего восемь человек [Потанин 1883: 190, текст 34а].

Нечетные числа. Числовой ряд *үч* ‘три’, *жетти* ‘семь’ и *тогус* ‘девять’ выстраивается по признакам «нечетный» и «троичный».

В мифах алтайцев с числом *беш* ‘пять’ отразились представления о количестве, об анатомическом строении конечностей человеческого тела. Как числовой показатель мифического образа «пять» реализует свою семантику необычности. Число пять передает семантику количественного предела, полноты образа. В шаманском тексте присутствует образ женщины-ведьмы с пятью козами в аду: *Кара төңгөш белге јер. Ары јанында беш эчкилү эмеген*. ‘Черный пень – место гадания, / Позади него старуха с пятью козами’ [МАЭ, ф. 11, д. 10, л. 113]. В древних мифологиях с образами рогатых животных, с козлом или быком, связывались различные демонические существа.

В шаманской мифологии божество подземного мира Пий-Маатыр с пятью локтями. Принося Пий-Маатыру в жертву черного быка или вороную, пегую, серую, гнедую кобылу, просили шаманов увеличить поголовье крупного рогатого скота, удои молока: *Таиһ нилектү Бий Маатыр! / Пеиһ нилектү Пий Маатыр* ‘С каменными локтевыми костями Бий Маатыр! / С пятью локтями Пий Маатыр!’ [ТОКМ, ф. 16, оп. 1, д. 16].

Числа, связанные с представлениями о троичности – три, семь, девять, считаются магическими, сакральными. В алтайской мифологии числа три, семь, девять участвуют в концептуализации сакрального хронотопа. В космогонических мифах алтайцев число *үч* ‘три’ выступает пространственным признаком, связано с трехчленной горизонтальной моделью пространства. Представления древних тюрков о вертикальном и горизонтальном строении мира были отражены уже в древнетюркских рунических надписях, о чем отмечается в трудах исследователей [Малов 1951; Муратова 2012; и др.]. Границы Среднего мира обозначались словом *buluq* ‘угол’. В горизонтальной космологической модели мира, сохраняющейся и в современных представлениях алтайцев, числа могут варьироваться (четырёх-, семи-, девятиугольный Алтай). Например, в лирической песне «Кан-Алтай» встречаются следующие эпитеты: *үч толыкту Кан-Алтай* ‘с тремя углами Кан-Алтай’, *тогус пулунду Кан-Алтай* ‘с девятью гранями Кан-Алтай’ (*кан* ‘кровный, родной’): *Үстүртинен көргөндө, / Үч толукту Кан-Алтай! / Тууразынан көргөндө, / Тогус булунду Кан-Алтай!* ‘Если сверху смотреть /– Треугольный Кан-Алтай! / Если со стороны смотреть – / Девятигранный Кан-Алтай!’ [ААК 1972: 8].

Истоки популярности этого числа в культуре разных народов связывают с широко распространенным в далеком прошлом человеческой культуры принципом троичности (триады), лежащим в основе различного рода риту-

алов теогонического и мифологического плана [Сыркин 1969: 77–82]. Понятие о трехмерном пространстве и триединстве времени (прошлое, настоящее и будущее) легли в основу многих архаичных культур. В разных культурах число три используется, когда речь идет о трех сферах земли, о божественной троице, о трех высших ценностях, о трех героях сказки или мифа.

В мифологии небо – место обитания богов, относится к божественным, почитаемым объектам, и представляется многослойным. В шаманских камланиях встречается понятие *үч айас* ‘три сферы небесные’, *алты айас* ‘шесть слоев’. Светлые божества находятся в разных слоях, или «ступенях», неба. Этот путь доступен только шаманам-мужчинам во время камлания, но они достигают лишь пятого слоя (*Алтын Казык* ‘Золотой Кол’) [Анохин 1924: 9]. *Үлбүрегин силкинип, / Үч айаска темденген [Сангызак кам]*. ‘Сотрясая перьями [шапки] своей, / Ты на третью ступень неба направился [кам Сангызак]’ [Там же: 123]. Один из «сыновей» Ульгена – Святой Каршит живет в третьем слое неба: *Үч текништү Пай-Каршыт* ‘Трехступенчатый Святой Каршит’. Признак тройственности характерен для теонима Үч-Курбустан – букв. ‘Три Курбустана’, верховного божества алтайцев (ср. Хурмазд, Хормазд и Хурмуз; ср. согд. хгmazda ‘верховное (небесное) божество’, ср.-перс. Ohrmazd ‘Ahura Mazda’, новоперс. hormuz). В тувинском пантеоне теоним Хурмас не имеет числового компонента.

Число *үч* ‘три’ придает теониму Үч-Курбустан смысловую нагрузку. В одних контекстах говорится об одном божестве, в других же объединены три разных божества верхнего мира, под которыми подразумеваются буддийские бодхисатвы – Майтрейя, Будда и Шакьямуни. Так, в легенде «Сотворение земли четырьмя братьями» (*«Төрт карындаш јерди јайаганы»*) четыре брата состязались: у кого в чашке вырастет золотой цветок – тому быть творцом. Три младших брата похитили золотой цветок у старшего, так как цветок вырос только в его чашке. Они стали Юч-Курбустанами, старший брат – Эрликабы – ушел под землю [НПА 2011: 409]. Смысл алтайских легенд становится понятным при сравнении их с легендами бурят-монголов. В одной из легенд, зафиксированной в XIX в. в Монголии Г.Н. Потаниным, говорится о том, как Май-Тере, Бурхын-бакши и Шимынь-бурхын (возможно, Шакьямуни – последний земной будда) поспорили, кто из них станет верховным бурханом [Потанин 1883: 269]. Тройственность божества Курбустана позволяет провести параллель с идеей обожествления святой Троицы в христианстве: Бога Отца, Бога Сына и Святого Духа.

Признак тройственности сохраняется и в родственной линии божеств – у Юч-Курбустанов есть три дочери, у светлого божества Ульгена – тоже три дочери: *Бу тушта Үч-Курбустаннын үч кызы кыйгырганча, Сүт-Көлдөн чыгып келгилеген* ‘Тогда три дочери Юч-Курбустана, крича, из Сют-Көля выбежали’ [НПА 2011: 150, 151].

Число «три» в шаманской мифологии встречается в составе образа *јч темир тыт* ‘три железные лиственницы’, на которых вьет гнездо мифическая птица Кан-Куш (букв. ‘Царь-Птица’), или Кан-Карлык. На этих трех лиственницах вьет себе гнездо мать всех птиц – *куш энези Кургай-Кан*. Другое название этих деревьев – *Јч Пай Кайын* ‘Три священные березы’ и *јч таны* ‘третья ступень восхождения к Ульгуну’ [Дырленкова 1949: 120].

Число «три» входит в состав названия созвездия *Јч Мыйгак* ‘Орион’ – букв. ‘Три Маралухи’, отождествляемого с тремя маралухами, которые, согласно мифу, спасаясь от охотника по имени Кёгютей, вознеслись на небо. Сам охотник, истреблявший животных, пустил в них стрелы и тоже поднялся в небо. Преследуя трех маралух, он вместе с ними и со своими тремя собаками превратился в одну из звезд созвездия Орион [НПА 2011: 106, 107].

Јети ‘семь’. В мировой нумерологии существует огромное количество теорий, объясняющих сакральный характер числа семь. М. Хартманн и М. Ряснен полагают, что *јети* происходит от глагола *јет-* ‘достигать’; *јет-ди>јети* ‘достигнуто, готово’ (цит. по: [Муратова 2012: 80]). В результате анализа огромного количества изобразительно-орнаментального археологического материала народов Сибири и Дальнего Востока Б. А. Фролов пришел к выводу, что люди уже в эпоху неолита обладали основами математических и астрономических знаний, и магическая роль числа семь в мифологических и религиозных представлениях народов является производным от этих астрономических знаний. «Первое место по частоте и определенности употребления число 7 занимает в различных эталонах и характеристиках времени (от 7 дней до 7 поколений; любопытно отсутствие в этой колонке такой удобной меры, как месяц). Пространственные характеристики с числом 7 реже и аморфнее. Второй важный и часто употребляемый пласт – космология, космогония, ‘верхний мир’ и ‘нижний мир’, структура земли и неба. И к этому, и к следующему, третьему, пласту относятся мотивы исходных ‘первоэлементов’, с которых начиналась природа и человеческое общество: число 7 оказывается важным и для рождения человека вообще, и для появления конкретного рода. По отношению к людям число 7 особенно часто выступает как показатель тесных родственных уз» [Фролов 1974: 300].

Круг понятий, образуемый числом *јети* ‘семь’, в мифологии алтайцев широк. В архаической мифологии алтайцев число *јети* ‘семь’ выполняло функцию характеристики различных мифологических образов, связанных с пространством и временем. Символическое употребление числа семь характерно и для описаний всех трех миров: нижнего, среднего и высшего. В трехчастной структуре Вселенной каждая сфера делится еще на семь сфер, слоев – *јети кат*. Нижний мир, или ад, имеет семь или девять слоев, каждому слою присущи определенные символические образы. Шаманы представляли вход в ад (*јердинг оозы* ‘пасть земли’), находящимся где-то на западе,

на перекрестке семи дорог, он представляет собой большое жерло, откуда с силою выбрасывается огонь. *Јети јолдын пелтир јер / Аданду кам алкап парар* ‘Схождение семи дорог / Кам (шаман) на верблюде, заклиная, проедет’ [ТОКМ, ф. 16, д. 17, л. 9]. Перекресток семи или девяти дорог считается особо опасным.

Мифическая гора Језим, скорее всего, находящаяся в нижнем мире, также представляется семидверной: *Јети эжиктү Језим-бий, / Јес төөлү Күнүрт-каан* [МАЭ, ф. 11, д. 17, л. 12]. ‘Семидверный Дъезим-бий, / С медным верблюдом Кюнюрт-хан’ (Күнүрт-каан – букв. ‘Гремящий хан’). Символика двери подразумевает путевые препятствия, которые мысленно проходит шаман при всяком камлании к тому или иному духу. Такими препятствиями служат семь слоев, которых шаман мысленно проходит.

Количество сыновей у божеств Ульгена и Эрлика в шаманских текстах различаются: одни шаманы считают, что у них по семь сыновей, другие – по девять [Анохин 1924: 4]. Символика образов семи дочерей божества Эрлика, обитающих в третьем слое ада, связана с членением пространства по вертикали на семь частей, семь слоев ада – семь божеств, семь препятствий: *Толугу јок толгоштор, / Шалбыры јок шалтандар, / Јелим кара кептүлер, / Јелтек кара чачтулар, / Беш оролгон тулунду / Јети түнгей сары кыс*. ‘Бестолковые развратницы, / Неопрятные, без штанов, / Липкие, как клей, чернавки, / С распущенными черными волосами, / С косами, опутанными пять раз [вокруг головы], / Семь одинаковых желтых дев’ [МАЭ, ф. 11, д. 10, л. 21].

Число «семь» считается образным признаком чудовища Дьелбегена (Ельбегена): *Елбеген бойи, качан калчуузы тудар болзо, јети баишту болор, а качан јөгөди болзо, јангыс баишту болор. Ол ондый кудулгаас кылыкту Елбеген болгон*. ‘У чудовища Дьелбегена, когда его охватывает ярость, семь голов, а когда бывает спокойным, – у него одна голова. Вот с таким оборотничеством был Елбеген’ [НПА: 112, 113]. Числом семь характеризуются образы и других подземных чудовищ, например образа семи прожорливых чудовищ: *Јелбис-Бодо-хан* – персонаж эпоса, мифический обитатель Нижнего мира с семью головами: *Јети айры баишту / Јелбис-Бодо каан* [АБ. Ирбис-Буудай 1972: 36]. ‘С семью ответвленными головами / Дьелбис-Бодо-хан’.

Семислойным представляется и небо, символизирующее верхний мир: *Кайракан дегени – ол тенгери. Тенгери јети кат. Онын баиштакы кады – Көк аказы, Көк-Тенгери. Тенгериге онон ары чыкса, кызыл тенгери көрүнөр. Онын ады – Кайракан. Ондо јалкын токтоп јат. Онын үсти – От-Кайракан...* ‘Кайраканом называют небо. Небо в семь слоев. Его первый слой – Синий брат его, Синее Небо. Если на небо дальше подняться – покажется красное небо. Его называют Кайракан. Там останавливаются молнии. Его верх называется Огонь-Кайракань’ [АКК 1994: 294].

Семь слоев имеется и в среднем мире, а именно в сфере Дьер-суу (Јер-

суу), где обитают духи-хозяева священных гор, рек, озер, куда шаман попадает, преодолевая семь препятствий: *Јети эжиктү Јерим-суу* 'Земля-вода моя, имеющая семь дверей'. В эпосе «Маадай Кара» Н.У. Улагашева семь волков и девять воронов олицетворяют духов земли: *Јердинг ээзи јети бөрү / Ачу-корон улый салып, / Кызыл канла куза салып, / Јус көңкөрө јыгыла берди. / Алтай ээзи тогус кускун / Тенгериде конкулдады* [АБ 1958: 200]. 'Духи-хозяева – семь волков / Горько-грустно завыли, / Красной кровью заблевали, / Вниз мордой упали. / Духи-хозяева Алтая – девять воронов / На небе закаркали'.

Числовой признак «семь» присущ и для духов и божеств среднего мира: *Алтайдың јети ак јайзангы* 'семь белых зайсанов Алтая': «Человек по имени Тыспанаш заночевал в лесу. Он проснулся от того, что его разбудил человек в белой шубе, с белой бородой и с посохом. Он сказал, что его приглашают семь белых зайсанов Алтая (*Алтайдың јети ак јайзангы*). Тыспанаш вместе с этим человеком поднялся на вершину скалы – горы Чанкыр, где и встретился с хозяевами Алтая...» [НПА 2011: 456–457]. Семь духов-помощников у шамана: «У него [у шамана] были духи-*чалулар*, которых он призывал. У него семь духов – семь помощников было, они знали обо всем: отчего заболел человек, не напал ли на него дух земли-воды» [НПА 2011: 292]. В иносказательном охотничьем лексиконе животных, которые уходят в зимнюю спячку называют семью слепыми земли (*јердинг јети сокоры*), – это барсуки, кроты, медведи, змеи, тарбаганы, суслики.

Звёзды Большой Медведицы «Јети-Каан» – это семь братьев, сыновья хана, которых Кудай превратил в звёзды из-за их лени. Этиология мифа объясняется морально-этическими нормами, осуждающими лень [НПА 2011: 102, 103]. Число *јети* 'семь' обладает семантикой целостности, множественности, некой совокупности объектов, дополняющих друг друга, в пространстве и времени.

Числа семь и девять конкурируют тогда, когда идет речь о понятиях, связанных с представлениями о верхнем, среднем или нижнем мире, о количестве слоев и божеств. Распространенные в зарубежной науке концепции, объясняющие появление сакрального числа 7 у народов Сибири исключительно заимствованиями и влиянием Вавилона и других древних цивилизаций Востока, нуждаются в пересмотре. В действительности «никакие заимствования и влияния не обеспечили бы столь устойчивого и долгого сохранения семерок в культуре народов Северной Азии, если бы у них не было для этого собственных предпосылок. Судя по археологическим данным, такие предпосылки возникли в каменном веке» [Фролов 1974: 301].

Конкуренция числа девять в шаманских текстах наблюдается и в номинации тех же самых мифоконцептов, что было характерно для числа семь. Символика числа *тогус* 'девять', как и числа семь, в алтайской

мифологии связана с представлениями об устройстве верхнего и нижнего миров. Нижний мир также изображается девятислойным: *Тогус таамы текпиндү*. / *Тогус куйун ойынду*. ‘Девять адских ступеней. / Игрище девяти ветров’ [Анохин 1924: 87]. Шаман в пути к Эрлику преодолевает девять препятствий. Дворец его из черного железа находится в Нижнем мире при слиянии девяти рек в одну реку Тойбодым [Там же: 3]. *Тогус талай белтиринде* / *Тойбодым деп талай эмтир*. ‘У слияния девяти заливов / Море Тойбодым, оказывается [есть]’ [Маадай-Кара: 229, 230]. Когда зачинают вихрь, якобы идущий со злым духом, то отправляют его под землю в девять или семь слоев, заклиная: «Войди под землю в семь слоев, / Войди под почву в девять слоев!» [НПА 2011: 470].

Чудовище Дьелбеген обитает на перекрестке девяти дорог: *Тогус жолдын белтири болор*. *Тогус жолдын белтиринде* / *Тогусон тогус толыкту*, / *Тогусон тогус тунүктү* / *Жер кара өргөд турар*, / *Ол өргөддө журтаган* / *Тогус башту желбеген бар* [Улагашев 1985: 64]. ‘Перекресток девяти дорог будет. / На перекрестке девяти дорог / С девяносто девятью углами, / С девяносто девятью дымоходами / Землянисто-черный дворец будет стоять. / В том дворце / С девятью головами дьелбеген живет’.

В эсхатологических мифах алтайцев встречается образ девяти всадников на железных конях – *тогус темир атту кижси*, символизирующих слуг Эрлика, которые выйдут, когда наступит апокалипсис: *Тәңіс түбүндө тобус жәрдаң үзүләр*, / *тобус жәрдаң үзүлзә*, / *тобус курчулү кайрчак чыбар*, / *тобус тәмір аттү кижси анаң чыбар*. / *Аның әкүзү паичы полор...* ‘Дно мирового океана на девять частей разобьется, / Когда на девять частей разобьется, / Оттуда ящик с девятью замками выйдет, / Из него девять всадников на железных конях выйдут. / Двое из них правители будут...’. Под девятью всадниками имеются в виду девять «сыновей» Эрлика.

Препятствием на пути шамана становятся девять быков подземного мира: *Тогус пуга сүргекутү*. *Күзүрешкен, огырышкан...* / *Тибилдеген көл – Чадык*, / *Анданышкан Кара Талай*, / *Айланьшкан Кара Тенгис* ‘Препятствие, где девять быков ведут бой между собой). / С громом и ревом... Выбурывающее глубокое озеро Чайык, / Волнующаяся Черная Река, / Крутящееся Черное Море’ [Анохин 1924: 87, 76].

Верховное божество Ульген, «живет за месяцем, солнцем, выше звезд небесных... Путь к нему лежит через семь, а по другим версиям – через девять препятствий (*нуудак*)» [Анохин 1924: 9]. Роды, почитающие Кёкё Мёнкё Адазы (Кёкё Мёнкё Адазы) считают, что в девятом слое неба живет это божество [Каруновская 1935: 174].

Заключение. Итак, числительные органично активно функционируют в художественной системе разных жанров. В мифологии алтайцев число выступает одним из важных культурных универсалий, участвующих в

моделировании образа мира. В мифологической картине мира алтайцев семантическую нагрузку несут числа: *эки* ‘два’, *үч* ‘три’, *төрт* ‘четыре’, *беш* ‘пять’, *алты* ‘шесть’, *jeti* ‘семь’, *сегис* ‘восемь’, *тогус* ‘девять’. Эти числа выступают образными признаками некоторых мифологических концептов.

Для создания необычного облика мифического существа (животных, растений, чудовищ) используются четные числа с семантикой удвоенной множественности – четыре, шесть, восемь (*төрт көстү кой* ‘четырёхглазая овца’, *алты көстү карагыс* ‘шестиглазая черная девушка’, *алты көстү ала парс* ‘с шестью глазами (отверстиями) пестрый парс’, *алты өргөштү адан* ‘шестигорбый священный верблюд’, *сегис көстү ийт* ‘восьмиглазая собака’). Признак тройственности характерен для теонима Ыч-Курбустан – букв. ‘Три Курбустана’, а также космонима Ыч *Мыйгак* ‘Орион’ – букв. ‘Три Маралухи’. В описаниях верхнего, среднего и нижнего миров чаще используются сакрально-магические числа «семь» и «девять». Число *jeti* ‘семь’ является образным признаком различных мифологических образов, связанных с представлениями о пространстве (божественной иерархии в пространстве) и времени: семь слоев земли, семь дверей в подземном мире, семь дверей в верхнем мире, семь дверей в среднем мире, семь сыновей у светлого божества, семь сыновей и дочерей у темного божества, семь звезд у созвездия Большой Медведицы (Јети-Каан), семь божеств Алтая, семь духов-помощников у шамана, семь духов земли и т.д. Число *тогус* ‘девять’ обладает той же семантикой, что и число семь, можно утверждать, что оно выступает его вариантом и формирует признаки пространства: девять сфер, девять слоев или ступеней в Верхний и Нижний миры, девять «сыновей» Эрика.

Литература

1. *Алтай баатырлар (Алтайские богатыри) [АБ] / Сост. С. С. Суразаков. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд-ние Алтайского книжного изд-ва, 1958. Т. 3. 381 с.*
2. *Алтай баатырлар / Сост. С. С. Суразаков. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1960. Т. 3. 381 с.*
3. *Алтай баатырлар / Сост. С. С. Суразаков. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1968. Т. 6. 248 с.*
4. *Алтай баатырлар (Алтайские богатыри) [АБ] / Сост. С. С. Суразаков. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд-ние Алтайского книжного изд-ва, 1972. Т. 7. 240 с.*
5. *Алтай кеп-куучындар / Сост. И. Б. Шинжин, Е. Е. Ямаева. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994. 415 с.*

6. Алтайские народные сказки // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / Сост. Т. М. Садалова. Новосибирск, 2002. 455 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 21).

7. Алтайские народные песни (=Алтай албатынынг кожондоры). – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд-ние Алтайского книжного изд-ва, 1972. 239 с.

8. Алтайский фольклор / Сост. Е. П. Кандаракова. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд-ние Алтайского книжного изд-ва, 1988. 216 с.

9. Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев. (Собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии) / Предисл. С. Е. Малова. Л.: Российская государственная академическая типография, 1924. 152 с.

10. Анохин А. В. Архив Томского областного краеведческого музея (ТОКМ). Фонд 16, дело № 17. 15 л. Мистерии кама Шагая. Алтай, 1914 г.

11. Анохин А. В. Архив ТОКМ. Фонд 16, дело № 16. Мистерии кама Тартыка. Алтай, 1914 г.

12. Анохин А. В. Архив МАЭ РАН. Фонд 11, дело № 10. Молитва кама Таштана. Алтай, с. Чичке Чаргы, 1910 г.

13. Анохин А. В. Архив МАЭ РАН. Ф. 11, № 17. Мистерия кама Чодура. Алтай, 1910 г.

14. Болатова (Атабиева) А.Д., Гергокова Л.С. Интерпретация числовой символики в карачаево-балкарском фольклоре и литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015, 8 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 26–29.

15. Гармаева А.Э. Числовая символика в монгольских языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2009. 25 с.

16. Голубева Е.В. Национально-культурная специфика картины мира в калмыцком языке: на примере культурных концептов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. 25 с.

17. Дыренкова Н.П. Материалы по шаманству у телеутов // Сб. Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1949. Т. 10. С. 107–190.

18. Избекова Е.И. Числительные в олонхо: структура и семантика. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014. 152 с.

19. Каруновская Л. Э. Представления алтайцев о Вселенной: Материалы к алтайскому шаманству // Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 160–183.

20. Маадай Кара: Алтайский героический эпос / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького, ГИИИИЯЛ. М.: Наука, 1973. 474 с.

21. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 452 с.

22. Муратова Р. Т. Символика чисел в языке и культуре башкир. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 180 с.

23. Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).
24. Ойношев В. П. Символика мифологии алтайского героического эпоса: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1998. 21 с.
25. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб.: Типография В. Кирибаума, 1883. Вып. 4. 1026 с.
26. Праведников С. П. Имена числительные в фольклорном тексте: лексикологический и лексикографический аспекты. – Курск: Изд-во КГПУ, 1996. 120 с.
27. Сатлаев Ф.А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX века). Горно-Алтайск: Изд-во «Алт. кн. изд-во. Горно-Алт. отд-ние», 1974. 200 с.
28. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М., 2006. 799 с.
29. Сыркин А. Я. Числовые комплексы в ранних ураниадах // Ученые записки Тартуского ун-та: Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. Вып. 236. С. 76–85.
30. Тадина Н. А. Алтайская свадебная обрядность (XIX–XX вв.). Горно-Алтайск: Изд-во «Юч-Сюмер», 1995. 207 с.
31. Фролов Б. А. Представление о числе 7 у народов Сибири и Дальнего Востока // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 294–303. URL: <https://arheologija.ru/frolov-predstavlenie-o-chisle-7-u-narodov-sibiri-i-dalnego-vostoka/> (дата обращения: 01.04.2020).
32. Хадыева Р. Н. Башкирская этнокультура и язык: Опыт воссоздания языковой картины мира. М.: Наука, 2005 (Уфа), 2005. 248 с.

References

1. *Altay baatyrlar. (Altayskiye bogatyri) [Altai heroes.] / Sost. S. S. Surazakov. Vol. 3. – Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoye otd-niye Altayskogo knizhnogo izd-va, 1958, 381 p. (In Altai)*
2. *Altay baatyrlar [Altai heroes] / Sost. S. S. Surazakov. Vol. 6. – Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoye otdeleniye Altayskogo knizhnogo izdatel'stva, 1968, 248 p. (In Altai)*
3. *Altay baatyrlar [Altai heroes] / Sost. S. S. Surazakov. Vol. 6. – Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoye otdeleniye Altayskogo knizhnogo izdatel'stva, 1960, 381 p. (In Altai)*

4. *Altay baatyrlar [Altai heroes] / Sost. S. S. Surazakov. Vol. 7. – Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoye otd-niye Altayskogo knizhnogo izd-va, 1972, 240 p. (In Altai)*

5. *Altay kep-kuuchyндar [Altai legends] / Comp. I. B. Shinzhin, E. E. Yamaeva. Gorno-Altaysk: Ak Chechek, 1994, 415 p. (In Altai)*

6. *Altayskiye narodnyye skazki [Altai folk tales] / Comp. T. M. Sadalova. Novosibirsk, 2002. 455 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 21). [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East. Vol. 21]. (In Altai and Russ.).*

7. *Altayskiye narodnyye pesni (=Altay albatynyр kozhondory) [Altai folk songs] – Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoye otd-niye Altayskogo knizhnogo izd-va, 1972. 239 p. (In Russ.).*

8. *Altayskiy fol'klor [Altai folklore] / Comp. E.P. Kandarakova. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoye otd-niye Altayskogo knizhnogo izd-va, 1988, pp. 168–169. (In Altai and Russ.).*

9. *Anokhin A. V. Materialy po shamanstvu u altaytsev. Sobrannyye vo vremya puteshestviy po Altayu v 1910–1912 gg. po porucheniyu Russkogo Komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii [Materials on shamanism among Altai people. Collected during travels in Altai in 1910–1912 on behalf of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia. Foreword by S. E. Malov] / Predisl. S. Ye. Malova. Leningrad: Rossiyskaya gosudarstvennaya akademicheskaya tipografiya, 1924, 152 p. (In Altai and Russ.).*

10. *Anokhin A. V. Misterii kama Shagaya. Altay, 1914 g. [Mysteries of the shaman Shagay. Altai, 1914]. Arkhiv Tomskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya (ТОКМ) [Archive of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Fund 16, no. 17. (In Altai and Russ.).*

11. *Anokhin A. V. Misterii kama Tartyka. Altay, 1914 g. [Mysteries of the shaman Tartyk. Altai, 1914]. Arkhiv Tomskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya [Archive of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Fund 16, no. 16. (In Altai and Russ.).*

12. *Anokhin A. V. Molitva kama Tashtana. Altay, s. Chichke Chargy, 1910 g. [Prayer of the shaman Tashtan. Altai, 1910]. [Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences]. Fund 11, no. 10. (In Altai and Russ.).*

13. *Anokhin A. V. Misteriya kama Chodura. Altay, 1910 g. Arkhiv Muzeya antropologii i etnografii RAN [Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography of RAS]. Fund 11, no. 17. (In Altai and Russ.).*

14. *Bolatova (Atabiyeva) A. D., Gergokova L. S. Interpretatsiya chislovoy simboliki v karachayevo-balkarskom fol'klоре i literature [Interpretation of numerical symbols in Karachay-Balkarian folklore and literature]. In: Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions*

of theory and practice]. Tambov, 2015, 8 (50): in the 3rd part of Part III, pp. 26–29. (In Russ.).

15. Dyrenkova N. P. *Materialy po shamanstvu u teleutov [Materials on shamanism in Teleuts]*. In: *Sb. Muzeya antropologii i etnografii [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]*. Vol. 10. Moscow; Leningrad, 1949, pp. 107–190. (In Russ.).

16. Izbekova Ye. I. *Chislitel'nyye v olonkho: struktura i semantika [Numerals in olonkho: structure and semantics]*. Yakutsk: Izdatel'skiy dom SVFU, 2014. 152 p. (In Russ.).

17. Frolov B. A. *Predstavleniye o chisle 7 u narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [The idea of the number 7 among the peoples of Siberia and the Far East]*. In: *Bronzovyy i zheleznyy vek Sibiri [Bronze and Iron Age of Siber]*. Novosibirsk, 1974, pp. 294–303. (In Russ.).

18. Garmayeva A. E. *Chislovaya simbolika v mongol'skikh yazykakh: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Numerical symbolism in the Mongolian languages. Author's Abstract of the Candidate of Philology Thesis]*. Ulan-Ude, 2009, 25 p. (In Russ.).

19. Golubeva Ye. V. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika kartiny mira v kalmytskom yazyke: na primere kul'turnykh kontseptov: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [National-cultural specificity of the picture of the world in the Kalmyk language: on the example of cultural concepts. Author's Abstract of the Candidate of Philology Thesis]*. Moscow, 2006, 25 p. (In Russ.).

20. Karunovskaya L. E. *Predstavleniya altaytsev o Vselennoy: Materialy k altayskomu shamanstvu [Representations of the Altaians about the Universe: Materials for Altai shamanism]*. In: *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1935, no. 4-5, pp. 160-183. (In Russ.).

21. Khadyyeva R. N. *Bashkirskaya etnokul'tura i yazyk: Opyt vossozdaniya yazykovoy kartiny mira [Bashkir ethnoculture and language: The experience of reconstructing the linguistic picture of the world]*. Moscow: Nauka, 2005 (Ufa), 2005, 248 p. (In Russ.).

22. Maaday Kara: *Altayskiy geroicheskiy epos [Altai heroic epic] / AN SSSR. In-t mirovoy literatury im. A.M. Gor'kogo, GANIYYAL. Moscow: Nauka, 1973, 474 p. (In Russ.).*

23. Malov S. Ye. *Pamyatniki drevnetyurkskoypis'mennosti. Teksty i issledovaniya [Monuments of ancient Türkic writing. Texts and research]*. Moscow.; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1951, 452 p. (In Russ.).

24. Muratova R. T. *Simbolika chisel v yazyke i kul'ture bashkir [Symbolism of numbers in the language and culture of the Bashkirs]*. Ufa: IYYAL UNTS RAN, 2012, 180 p. (In Russ.).

25. Oynoshev V. P. *Simbolika mifologii altayskogo geroicheskogo epasa: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Symbols of mythology of the Altai heroic epic: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk]*

Author's Abstract of the Candidate of Philology Thesis]. Kazan', 1998, 21 p. (In Russ.).

26. Oynotkinova N. R., Shinzhin I. B., Yadanova K. V., Yamaeva E. E. *Neskazochnaya proza altaytsev [The non-fairy tale prose of the Altaians]*. Novosibirsk: Hayka, 2011, 576 p. (*Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka*: T. 30). (*Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East*: Vol. 30). (In Altai and Russ.).

27. Potanin G. N. *Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii [Essays on Northwest Mongolia]*. Iss. 4. St. Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma, 1883, 1026 p. (In Russ.).

28. Pravednikov S. P. *Imena chislitel'nyye v fol'klornom tekste: leksikologicheskii i leksikograficheskii aspekty [Numerals in the folklore text: lexicological and lexicographic aspects]*. Kursk: Izd-vo KGPU, 1996, 120 p. (In Russ.).

29. Satlaev F. A. *Kumandintsy (Istoriko-etnograficheskii ocherk XIX – pervoy chetverti XX veka) [Kumandy (Historical and ethnographic sketch of the XIX – first quarter of the XX century)]*. Gorno-Altaysk: Izd-vo «Alt. kn. izd-vo. Gorno-Alt. otd-niye», 1974, 200 p. (In Russ.).

30. Syrkin A. Ya. *Chislovyye komplekсы v rannikh upanishadakh [Numerical complexes in the early Upanishads]*. In: *Uchenyye zapiski Tartuskogo un-ta: Trudy po znakovym sistemam [Scientific notes of Tartu University: Transactions on sign systems]*. Iss. 236. Tartu, 1969, pp.76–85. (In Russ.).

31. Tadina N. A. *Altayskaya svadebnaya obryadnost' (XIX–XX vv.) [Altai wedding ritual (XIX – XX centuries)]*. Gorno-Altaysk: Izd-vo «Yuch-Syumer», 1995, 207 p. (In Russ.).

32. Tenishev E. R., Dybo A. V. (eds). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Proto Turkic basic language. The picture of the world of the Proto-Turkic ethnos according to the language]*. Moscow: Nauka, 2006, 908 p. (In Russ.).